

Меньшее из двух зол?

Новый президент Ирана Пезешкиан благосклонен к консервативному истеблишменту страны. И все же его президентство может стать шансом.

В недавних материалах, посвященных избранию кандидата-реформатора Масуда Пезешкиана новым президентом Ирана, часто говорилось о «неожиданности». Мол, иранские избиратели в очередной раз доказали, что они более непредсказуемы, чем многие считают, и политический процесс и демократия в Иране еще не умерли. Реакция на такие оценки была негативной: те, кто легитимизирует процесс принятия политических решений в Иране как таковой, становятся соучастниками режима. Те, кто пишет, что избрание Пезешкиана было неожиданностью, игнорируют Али Хаменеи в роли кукловода, то есть участвуют в пропаганде режима.

В крайне поляризованной дискуссии на тему Ирана в мире трудно отличить политический анализ от политического позиционирования. Уже не имеет значения, что первоисточник многих из этих оценок – известные иранские аналитики. Дело в том, что, когда речь идет о недавних президентских выборах в Иране, сразу несколько вещей могут быть правдой. 69-летний Масуд Пезешкиан, кардиохирург и бывший министр здравоохранения, станет первым президентом-реформатором со времен Мохаммада Хатами, который правил с 1997 по 2005 год и поддержал Пезешкиана на выборах. То, что Пезешкиан выиграл выборы, удивило многих аналитиков и иранских граждан. Обычно кандидатам-реформаторам нужно было большинство в более 50 процентов голосов. Низкая явка избирателей в прошлом всегда была на руку фундаменталистам.

Правда и то, что Наблюдательный совет, где преобладают консерваторы, никогда бы не утвердил кандидатуру Пезешкиана, если бы на это не согласился Верховный лидер Али Хаменеи. Более перспективных кандидатов из реформаторского лагеря, таких как Али Лариджани, неоднократно отстраняли. Поэтому можно предположить, что утвердили кандидата, которого легче всего контролировать. Будучи так называемым reformist loyalist

(реформатором, лояльным к системе), Пезешкиан мог показаться политическому истеблишменту, то есть окружению Хаменеи, наименьшим злом. Как будто в доказательство этого, Пезешкиан во время предвыборных теледебатов подчеркивал свою поддержку Хаменеи как никто из других кандидатов.

*Более перспективных
кандидатов из
реформаторского лагеря
неоднократно
отстраняли*

В то же время в отличие от выборов 2021 года, изначально срежиссированных в пользу Эбрагима Раиси, на этот раз кандидата-реформатора, по крайней мере, допустили. Но возврата к исламистскому плюрализму, который в прошлом позволял хоть и ограниченную, но оживленную политическую конкуренцию и приводил к власти таких людей, как Хатами и Рухани, не будет. Для этого власть уже давно слишком закрыта и систематически сосредоточена в руках фундаменталистов. Пезешкиан будет более слабым президентом, чем другие реформаторы, которые были в этой роли. И пока ничто не указывает на то, что он бросит вызов системе.

Политический расчет, вероятно, заключался в том, чтобы увеличить явку избирателей, до недавнего времени традиционно низкую. Возможно, политический истеблишмент также опасался, что полный недопуск кандидатов-реформаторов или очевидные манипуляции с выборами, которые уже выводили миллионы иранцев на улицы в 2009 году, могут спровоцировать новые протесты. Ни одно протестное движение еще не было так жестоко подавлено, как Движение за жизнь и свободу женщин после убийства Джины Махсы Амини осенью 2022 года. Сейчас режим пытается предотвратить подобное развитие событий.

Однако эта стратегия не сработала: явка избирателей была самая низкая с 1979 года, 40 процентов в первом туре. Это свидетельствует о том, что большинство иранцев уже не верят в изменения через голосование. За прошедшие годы Исламская Республика стала слишком неблагоприятна к реформам, а лагерь реформаторов, который все больше маргинализируется, слишком редко демонстрирует, что готов что-то менять. В конце концов, даже реформаторы стремятся не сломать систему Исламской Республики, а в лучшем случае адаптировать ее под настоящее.

Но вера, что возможно хотя бы это, уже почти исчезла. В первом туре, который был 28 июня, за Пезешкиана проголосовало менее 45 процентов избирателей. Выдвижение кандидата-реформатора не увеличило явку избирателей и не зажгло искру среди реформаторски настроенного населения. Еще одна причина этого – то, что иранский средний класс, который традиционно является базой реформаторов, чрезвычайно сильно пострадал от неэффективного управления, коррупции и последствий западных санкций и уже много лет постоянно уменьшается.

Сам Пезешкиан – глубоко религиозный человек, который, выдвигая свою кандидатуру, одновременно подчеркивал роль Хаменеи как верховного лидера, то есть того, кто задает ритм в политике. Но его победа свидетельствует о нежелании иранцев и дальше двигаться по нисходящей спирали, которая в случае избрания ультраконсервативного Саида Джалили, вероятно, закрутилась бы еще сильнее. Очевидно, не так легко отказаться от надежды даже на малейшее улучшение собственной жизни в собственной стране, когда это касается тебя лично. Многие из тех, кто призывал бойкотировать выборы, чтобы не легитимизировать их, не ощутили бы на себе последствий победы Джалили. Явка избирателей во втором туре была выше, чем в первом: около 50 процентов. Многие иранцы заявили, что голосовали за Пезешкиана, чтобы не допустить победы Джалили. Его считают слишком радикальным даже некоторые фундаменталисты.

Выдвижение кандидата-реформатора не увеличило явку избирателей

Пезешкиан стремится к реформам, поскольку считает, что систему надо менять. Джалили также убежден в этом, но имеет в виду другое направление. Многие нормативные акты Исламской Республики до сих пор кажутся ему недостаточно эффективными. Его президентство, вероятно, закрепило бы за Ираном статус изгоя на Западе и привело бы к усилению санкций, которые уже сейчас ощутимо бьют по населению. И все же 13,5 из 61,5 миллиона иранских избирателей проголосовали за него, показав, насколько большая часть населения поддерживает такую ориентацию Исламской Республики.

Во время предвыборной кампании Пезешкиан объявил, что ослабит давние ограничения на пользование интернетом, а также будет

выступать «полностью» против полицейских патрулей, которые заставляют женщин носить платки. «Будет выступать» – это, пожалуй, ключевое слово, ведь его возможности, конечно, будут ограничены. Кроме того, он пообещал привлечь в свое правительство больше женщин и представителей этнических меньшинств, таких как курды и белуджи, а также снизить инфляцию, которая сейчас достигает около 40 процентов и уже несколько лет «душит нацию». Во время дебатов с Джалили Пезешкиан оценил потребность Ирана в иностранных инвестициях примерно в \$200 млрд, которые, по его словам, можно получить только путем улучшения международных отношений. Пезешкиан стремится к «конструктивным отношениям» со всеми западными странами, кроме Израиля, чтобы вывести Иран из изоляции.

Избрание Пезешкиана имеет большое значение. Оно показало, что многие иранцы просто хотят лучшей жизни. Никто не надеется на настоящие политические реформы (нечего говорить об изменениях), только на то, что политика большей приверженности к Западу поможет частично избавиться от многочисленных бытовых проблем. Возможно, Хаменеи даже заинтересован в улучшении экономической ситуации в стране с помощью президента-реформатора, чтобы обеспечить себе пространство для внутренних маневров, а именно для решения вопроса преемственности. Более вероятно, что даже власть Хаменеи имеет пределы – и они там, где начинается своенравие иранцев. 16,3 миллиона избирателей, которые 5 июля проголосовали за Пезешкиана, решили судьбу выборов, как бы они ни были организованы. Это не отменяет того, что большая часть иранского населения не видит будущего для себя и своих детей в Исламской Республике и жаждет фундаментального политического переворота: новой системы.

*Президентство
Пезешкиана может
стать возможностью
снова начать серьезные
переговоры с Ираном*

Поэтому не стоит игнорировать предостережения многих активистов из диаспоры, которые опасаются, что теперь, когда у власти снова сравнительно приемлемый для Запада кандидат, на нарушения прав человека, повседневную и систематическую дискриминацию женщин и меньшинств и жестокие репрессии против протестующих будут, как прежде, смотреть сквозь пальцы. В частности, во времена Рухани и его министра иностранных дел Джавада Зарифа, который был популярен в западных столицах и который может

снова играть ключевую роль при Пезешкиане, Европа и США на многое закрывали глаза, учитывая предыдущую ядерную сделку 2015 года. Все более воинственную имперскую экспансию Ирана на Ближнем Востоке фактически игнорировали. Прямые последствия этого мы видим сегодня. Не было никаких серьезных попыток убедить Иран воздерживаться от такого поведения.

Более того, сравнительно тесные отношения с иранским режимом означали, что проблемам гражданского населения уделялось мало внимания. Связи в арабских странах региона, установленные во время Арабской весны, в частности, с представителями гражданского общества, маргинализированных групп и этнических меньшинств, Ирану не были нужны.

Целью политики разрядки и дипломатии была попытка обеспечить большую стабильность и мир в регионе. Эта политика не была ошибочной, но была неполной. Те, кто ее проводил, игнорировали беспокойство правозащитных групп и активистов, мало заботились о женщинах, которые к тому времени уже были заключены и подвергались издевательствам в тюрьме Эвин, и не искали себе союзников в гражданском обществе. Возвращение к этой политике недопустимо. И все же президентство Пезешкиана может стать возможностью снова начать серьезные переговоры с Ираном по вопросам, сейчас таким же важным, как и десять лет назад: стабильность на Ближнем Востоке, иранская ядерная программа и права человека.

Ханна Фосс

Ханна Фосс (Hanna Voss) – бывший редактор **taz am Wochenende**, сейчас работает в международном офисе Фонда им. Фридриха Эберта в Бейруте.

